

Когда Шан Сижуй произнёс последние слова, он уже полностью погрузился в спектакль о прошлой и нынешней жизни. Его голос звучал мягко и дрожал, будто эти восемь слов вырвались прямо из глубины сердца, наполненные жаром. Чэн Фэнтай же очнулся от своих абсурдных фантазий, опустил веки, моргнул пару раз, и на его губах появилась лёгкая усмешка.

Он повернулся, взглянул на профиль Шан Сижую, устремив взгляд на его изогнутые ресницы:

— На самом деле, господин Шан, хоть я и верю в воздаяние духов, но не воспринимаю всерьёз такие вещи, как перерождение или будущие жизни. Всё, что имеет значение, — это настоящая жизнь. Если не удастся что-то сделать в этой жизни, то и говорить не о чём. А в следующей жизни кто кого будет знать? Даже если душа придёт, я её за дверь выставлю!

Звание «Второго господина» Чэн Фэнтай действительно оправдывал — его тон был властным, а уверенность в себе непоколебимой. Он и представить не мог, что его слова, полные решимости, скорее оскорбят Шан Сижую. Тот расстроился, но не из-за содержания, а из-за того, что его перебили. Шан Сижуй был ребёнком в душе — если с ним соглашались, он радовался, а если спорили — злился. В его голове мелькнула мысль: «Как же прекрасен спектакль "Фань Чжан и курица с рисом"! Я тебе пою, а ты ещё и недоволен, споришь со мной! Как это возможно!»

Шан Сижуй ловко поймал руку Чэн Фэнтая под одеялом и положил её себе на живот. Ладонь Чэн Фэнтая ощутила тепло, и его сердце забилося чаще. Он затаил дыхание, ожидая, но не думал, что именно актёр сделает первый шаг.

— Второй господин, вчера я говорил, что настоящие актёры используют не голос, а дыхание. Ты чувствуешь мой живот? Это источник энергии. Я спою пару строк, и ты поймёшь, — сказал Шан Сижуй.

Виной всему было то, что Чэн Фэнтай разрушил его романтический настрой, и теперь он решил сменить тему, чтобы не потерять всю прелесть этой ночи. Ему и в голову не приходило, какие низменные мысли крутились в голове Чэн Фэнтая.

Чэн Фэнтай ощущал тепло под своей рукой и долго не мог найти слов.

— Второй господин, ты будешь слушать? — спросил Шан Сижуй.

Чэн Фэнтай сглотнул:

— Буду. Пой.

С этими словами он закрыл глаза, словно смирившись с судьбой.

Чтобы показать разницу между использованием дыхания и голоса, Шан Сижуй выбрал несколько арий из репертуара старых актёров. Его любимым персонажем был Чжугэ Лян, и он начал с арии из «Потери Цзетинга», где старые актёры демонстрировали всю силу своего мастерства. Хотя он старался сдерживать голос, эта ария звучала громче всех остальных.

Сяо Лай, лежа на подушке и размышляя, думала, что если бы она поскорее нашла Шан Сижую невесту, то, возможно, он не попал бы под влияние таких сомнительных людей, как Чэн Фэнтай. Она вздыхала, погружённая в свои мысли, как вдруг услышала несколько строк из арии Шан Сижую. Прислушавшись, она поняла, что это была ария о Чжугэ Ляне, который поддерживал юного правителя. Шан Сижуй действительно объяснял Чэн Фэнтаю суть спектакля!

Сяо Лай расслабилась и спокойно уснула.

Шан Сижуй, начав петь, уже не мог остановиться и пропел почти все арии Чжугэ Ляна. Чэн Фэнтай раньше слышал о подвигах Чжугэ Ляна, но не знал подробностей. После этой ночи он всё понял, даже узнал, что жену Чжугэ Ляна звали Хуан Юэин.

Чэн Фэнтай прокомментировал:

— Неудивительно, что Чжугэ Лян так усердно работал в канцелярии. Если бы у меня была такая уродливая жена, я бы тоже не хотел возвращаться домой.

Шан Сижуй, будучи поклонником Чжугэ Ляна, сразу же возразил:

— Не все такие, как ты! Канцлер бы так не поступил!

Затем он засмеялся:

— Должно быть, твоя вторая госпожа уродлива, поэтому ты не возвращаешься домой.

Чэн Фэнтай с удивлением посмотрел на него. Шан Сижуй теперь даже умел подшучивать над ним! Эта ночь, проведённая вместе, хоть и не принесла желаемого, но явно сблизила их. Он намеренно поддразнил его:

— Ты не знаешь мою жену? Первая красавица за пределами Великой стены! Когда я впервые увидел её, она была как нефритовая Гуаньинь в снегу. У меня даже ноги подкосились. Все эти мелкие красотки из Шанхая даже близко не стоят с ней.

Шан Сижуй выпалил:

— Она действительно так красива? А я?

Чэн Фэнтай нахмурился:

— Ты же парень, зачем тебе сравнивать себя с женщинами?

Шан Сижуй обожал сравнивать себя с женщинами в красоте, а затем и с мужчинами в мужественности. На сцене он был настоящей женщиной, когда играл женские роли, и настоящим мужчиной в мужских. Поэтому, сойдя со сцены, он уже не задумывался, кто он — мужчина или женщина. Казалось, он мог свободно переключаться между ними, и его мысли и поступки никогда не ограничивались гендерными рамками. Услышав слова Чэн Фэнтая, на его

лице промелькнуло выражение презрения.

— Ты ведь часто остаёшься ночевать вне дома. Вторая госпожа не ревнует?

— Наверное. Когда я собирался взять наложницу, она очень ревновала, и в итоге мне пришлось отказаться от этой идеи.

Шан Сижуй сразу же оживился, устремив на Чэн Фэнтая горящий взгляд:

— Расскажи подробнее.

Чэн Фэнтай повернулся на бок и зевнул:

— О чём рассказывать? Я смертельно устал. Завтра расскажу.

— Точно завтра?

— Точно, — ответил Чэн Фэнтай. — Почему ты вдруг так заинтересовался моими делами? Мы столько раз играли в маджонг, а ты ни разу не задал ни одного лишнего вопроса.

Шан Сижуй серьёзно ответил:

— Потому что теперь ты для меня другой.

Чэн Фэнтай был рад услышать это и ущипнул Шан Сижую за нос. Тот, как ребёнок, сразу же рассмеялся:

— Второй господин, а если ты останешься у меня ночевать, вторая госпожа не будет ревновать?

Чэн Фэнтай подумал и ответил:

— Нет. Ты мой друг, а не одна из тех женщин.

Хотя Чэн Фэнтай и думал о чём-то большем этой ночью, теперь, пролежав рядом с Шан Сижую, он избавился от всех дурных мыслей и мог с уверенностью назвать их друзьями. На самом деле, он и сам не мог точно определить свои чувства к Шан Сижую. Это не обязательно должно было быть что-то физическое — он хотел обладать им полностью, не только телом, но и душой. Дружба — это было именно то, что он чувствовал.

Шан Сижуй задумался:

— У тебя есть отношения с другими женщинами... Я спою для второй госпожи спектакль «Цзинь Юйну бьёт неверного любовника»!

Чэн Фэнтай, уже почти засыпая, поправил одеяло:

— Опять клеветешь. Я почитаю вторую госпожу как богиню! Какой уж там неверный...

Шан Сижуй не обращал на него внимания и начал напевать. Чэн Фэнтай заснул под его пение. Сяо Лай, чутко спавшая, проснулась от голоса Шан Сижую, посмотрела на ещё тёмное окно и усмехнулась — эта ночь для Чэн Фэнтая явно прошла впустую.

Шан Сижуй обычно вставал в шесть утра, выпивал чашку чая и начинал разминку. На этот раз, открыв глаза и увидев спящего рядом Чэн Фэнтая, он почувствовал сладостное волнение и прижался к нему, мягко и ласково. Чэн Фэнтай, привыкший к ночной жизни, никогда не просыпался до полудня и даже не отреагировал на эту нежную атаку, только слегка хмыкнул. Шан Сижуй, продолжая тереться, почувствовал, как его тело начинает реагировать, и, крепко обняв Чэн Фэнтая, замер, не решаясь двигаться дальше. Но внутри его переполняло возбуждение, какого он никогда раньше не испытывал.

Сяо Лай, подождав лишние пятнадцать минут и не увидев Шан Сижую, принесла воду для умывания, постучала в дверь и, не глядя на кровать, поставила таз и ушла. Шан Сижуй, дождавшись, когда его тело успокоится, встал, оделся, умылся и, полный ожидания, устремил взгляд на Чэн Фэнтая, надеясь разбудить его. Но Чэн Фэнтай продолжал спать, и Шан Сижуй, разочарованный, услышав, как Сяо Лай снова зовёт его, отправился на тренировку.

<http://bllate.org/book/15435/1368579>